РАЗДЕЛ XXIX. ФИЛОСОФИЯ

Балиев И.В.

Место религии в философии славянофилов XIX века

Чеченский государственный университет

(Россия, Грозный)

doi: 10.18411/lj-06-2020-240

idsp: ljjournal-06-2020-240

Аннотация

Статья представляет собой попытку показать место религии в философских размышлениях самых известных славянофилов XIX века. Показано, как православие в работе избранных мыслителей ставится в оппозицию европейскому рационализированному христианству, тем самым обосновывая своеобразие русского пути развития, а также постулируется наследование Россией миссии по сохранению чистоты веры, которая ранее возлагалась на Византию.

Ключевые слова: православие, христианство, Россия, Запад, славянофильство, историософия.

Abstract

The article is an attempt to show the place of religion in the philosophical reflections of the most famous Slavophiles of the 19th century. It is shown how Orthodoxy, in the work of selected thinkers, is opposed to European rationalized Christianity, thereby substantiating the uniqueness of the Russian development path, and it also postulates Russia's inheritance of the mission to preserve the purity of faith, which was previously assigned to Byzantium.

Key words: Orthodoxy, Christianity, Russia, the West, Slavophilism, historiosophy.

XIX век в исследовательской литературе по русской философии в своей оценке часто сопровождается квалификацией этого периода как протекающего под знаком полемики западников и славянофилов. При этом позиции обеих сторон хорошо представлены в работах историков русской философской мысли, и мы не будем проводить в этой работе детальную реконструкцию этих позиций. Вместо этого мы попытаемся показать значение религии в разработках главных сторонников славянофильства в XIX веке.

Славянофильство, возникшее в 30 - 40-е годы XIX, имело интенции, которые в русской мысли тянулись еще с средневековья: продемонстрировать самобытность русского народа и определить место России в мировой истории. После обличительных писем Чаадаева в этот период эта миссия стала еще более явной и такие авторы, как А.С. Хомяков, И. В. Киреевский, которых рассматривают как подлинных родоначальников славянофильства, и более поздние славянофилы со всей мощью философского разума встали на защиту русского народа и его истории. В этой апологической перспективе русским мыслителям важнее всего было показать, как укорененность простого народа в православии делает его историю уникальной и отличной от истории Запада с его католической ориентацией. Именно этот акцент на религию является ключевым для дискуссий в XIX веке, что позволяет квалифицировать полемику между западниками и славянофилами как часть русской религиозной философии.

Одна из центральных тем в философских размышлениях А. С. Хомякова состоит в его озабоченности местом русской православной Церкви в истории. Автор «Опыта катехизического изложения учения о Церкви», который был опубликован лишь после

смерти Хомякова, обращается к учению Блаженного Августина и его «двум градам». Как справедливо указывает В. И. Дружинин, для Хомякова «Церковь едина, более того, Церковь одна, она основана

Христом и апостолами и сохраняет свою преемственность в русском православии» [4, стр. 28]. Задавая тон настроениям многих славянофилов в последующем, Хомяков пытается обосновать оторванность западного христианства от истинной церкви. Отсюда выводится и тезис об отсутствии необходимости обращаться к западноевропейской учености и заимствовать у нее идеи науки, философии и т.д. При этом Хомяковым отрицается связь между Церковью и «Градом земным», поскольку Церковь, чтобы называться таковой, может быть только Небесной. Несложно отсюда перейти к главной для философии Хомякова мысли о православии как единственно имеющем отношение к «Небесному граду» и русском народе как имеющем особую роль в истории. Через обоснование православия как истинного христианства философ обосновывает и значение русского народа. Именно православие, по Хомякову, создало тот «русский дух», который «утвердил навсегда мирскую общину, лучшую форму общежительности... выработал в народе все его нравственные силы» [1, стр. 198].

Обозначенное единство двух планов бытия, как мы видели, достигается на русской почве в лоне православия. У Хомякова такое единство основывается на таинстве Евхаристии. В историософии христианства русским философом отрицается отношении Запада к таинству Евхаристии, что неизбежно делает Запад бесплодным в отношении истины. Для обозначения состояния, в котором западные народы находятся, Хомяковым избирается специальный термин «кушинство», в котором слишком силен акцент на рационализме. Западничество также вписывается в этот рационализм. Противоположностью «кушинству» является «иранство», где такие ценности, как вера, чувство жизни, свобода и т. д. являются главными. И если рационализированное «кушинство» слишком много внимания уделяет индивидуализму, то в «иранстве» находит свое воплощение соборность. Лосский видит в иранстве (арийство) – монотеистичность, а в кушитстве – пантеизм. [6, стр. 40].

Таким образом, причисляя русский народ и православие к «иранству» как принципу подлинной веры в единого Бога, Хомяков провозглашает неизбежность торжества православия в лоне истинной Церкви. В этом последовательном раскрытии подлинного смысла истории, по мнению русского мыслителя, все народы неизбежно станут православными, что будет означать исполнение смысла истории.

Другой виднейший представитель славянофильства, И. В. Киреевский, будучи крещеным, тем не менее до определенного времени (до 1834 года) не был православным. Однако после визита в Германию русский философ убедился в том, что западное христианство с его рационализированностью значительно уступает православию, в котором присутствует «сердце». Если христианство на Западе было принято неохотно, встречая всяческие препятствия, то на русской земле, по Киреевскому, все было наоборот: «христианство... проникнув в Россию, не встретило в ней тех громадных затруднений, с какими должно было бороться в землях, пропитанных римской образованностью» [2, стр. 185]. Основные этапы развития духовной традиции на Западе демонстрируют, по Киреевскому, как вера становилась жертвой рационализации. Через труды схоластов в средние века, через нововременную философию Бэкона и Декарта, через Спинозу и Лейбница избыточность логической рассудительности передалась великим представителям немецкой философии – Канту, Фихте, Шеллингу и Гегелю. Суммируя состояние философии на Западе, Киреевский пишет: «...ни далее идти по своему отвлеченно-рациональному пути она уже не может, ибо сознала односторонность отвлечений рациональности, ни проложить себе новую дорогу не в состоянии, ибо вся сила ее заключалась в развитии именно этой отвлеченной рациональности» [2, стр. 198].

При этом у Киреевского отсутствует одностороннее осуждение Запада и возвеличивание России. Он понимает и важность философии в жизни человека. Автор «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» скорее пытается компенсировать урон, наносимый русской самобытности слишком сильным подражанием Западу. Нельзя полностью отвернуться от европейской учености и философии, но можно взаимно обогатиться, и Россия в большей степени способна обогатить своих соседей, поскольку в ней живет и процветает православие. Только симбиоз христианской веры и образованности современного мира может даровать ту целостность человеческой жизни, которую ищет Киреевский.

Наряду с признанными лидерами славянофильства Хомяковым и Киреевским, важно упомянуть их единомышленников и последователей Ю. Ф. Самарина, Н. Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, в работах которых христианству уделяется немалое внимание.

Будучи под большим влиянием Гегеля, Самарин в период конца 30 и по начало 40-х гг. занимается вопросами науки и религии. Наука в данном случае отождествлена с философией, а философия, как нетрудно догадаться, воплощается в учении Гегеля. Вот что читаем у Самарина: «Я думаю, что если наука существует как отдельная от искусства и религии сфера духа, то она должна быть сферой высшего, последним моментом развития идеи...» [3, стр. 100]. При этом русский философ пытается привнести свое понимание проблемы. Не соглашаясь с Гегелем в отношении философии религии, русский мыслитель пытается продемонстрировать отличительные черты православия, которые показали бы разницу между верой самого Самарина и тем, что предлагает католицизм и протестантизм. В отношении католицизма верно то, что оно пытается усидеть сразу на нескольких стульях: выражается это в том стремлении католической церкви быть и наукой, и воплощать собой государство. Для протестантизма характерно признание свободы и науки и государства от церкви. Преимущество же православия, как видится Самарину, в том, что оно видит себя только в лоне Церкви и не стремится стать ничем иным. При этом немалое значение имеет и относительное равнодушие со стороны православия в отношении дел науки. Став в 40-е гг. убежденным сторонником религиозной философии, Самарин через веру пытается осмыслить свое назначение и найти смысл жизни в православии. Найти этот смысл нельзя с помощью одного только разума, лишь в полноте человеческого существа такое познание может быть достигнуто. Сочувствие и любовь – вот ориентиры для отыскания истинной сущности веры.

Н. Данилевского и К. Леонтьева обычно относят к философии позднего славянофильства, считая при этом, что в этот период наблюдается определенное вырождение этого течения. Такую позицию можно найти в работе Лосского «История русской философии». Перед нами нет задачи оспорить подобный взгляд на поздних славянофилов, однако их понимание места религии в рамках данной статьи показать необходимо.

Избранность славянской цивилизации – тема размышлений Н. Данилевского. При этом русский мыслитель обнаруживает значительное влияние на свою философию Хомякова. Как и «старший» славянофил, Данилевский пытается продемонстрировать избранность славянской цивилизации, обращаясь к духовному и религиозному миру человека. Через обращение к религиозному, Данилевский постулирует укорененность в вере народного мировоззрения, которое противопоставляется теоретическому. Другая сторона человеческой жизни – это культурная деятельность, которая раскрывает отношение человека к миру. Отношения же членов одного народа друг к другу и к другим народам воплощены в политической деятельности. И последний тип деятельности, выводимый Данилевским, это деятельность общественно-экономическая. Изучая различные цивилизации, Данилевский приходит к выводу, что в разные эпохи разные народы воплощали в себе одну или несколько перечисленных видов

деятельности, но никогда все четыре. Например, для греческой цивилизации было характерно культурное развитие, в то время как для римской – политическое.

Несложно догадаться, что воплощение всех четырех типов деятельности русским философом видится в славянской цивилизации в истории России. Поскольку для нас важно именно отношение к религии в философии Данилевского, то важно указать, что религиозная деятельность для автора работы «Россия и Европа» укоренена в православии. При этом мы не находим у Данилевского попыток «покрыть» религиозностью все общественные сферы жизни. В этом он значительно отличается от Хомякова – автора, который, как мы уже сказали, на него повлиял. Как верно замечает Дружинин, «Он не учит о Церкви и церковности всех сфер жизни в России, но основывается на идеале церковности, понимаемой в духе идеала православия» [4, стр. 35].

В своей основной работе «Византизм и славянство» К. Леонтьев стремится эксплицировать важное место, которое Россия занимает в мировой истории. Миссия России может быть реализована путем покорения Османской империи, что должно сопровождаться установлением российской столицы в Константинополе. Здесь важно пояснить значение термина «византизм». Как пишет Дружинин «Византизм означает здесь системно выстроенное единство империи и Церкви с приматом империи, лишаящей Церковь возможности свободно свидетельствовать Истину во всей ее полноте и действовать согласно Истине» [4, стр. 35]. Принятие византийского имперского идеала, считает Леонтьев, способно спасти народ от его полного разложения. Тем самым у русского мыслителя православие передается на службу империи. Только в сильном религиозном государстве процесс деградации может быть преодолен.

В целом можно сказать, что идеал веры у славянофилов служит неким «пределом» человеческого знания, где определяются если не все, то самые фундаментальные стороны человеческой жизни. Сильная привязанность к православию и противопоставление православной Церкви европейскому рационализированному христианству является ключевой и характерной чертой на пути обоснования своеобразия русской жизни и определения места России в истории.

1. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Москва. Университетская типография. 1900. - 504 с.
2. Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч.: В 4 т. Калуга, 2006.
3. Самарин Ю. Ф. Православие и народность / Составление, предисловие и комментарии Э. В. Захарова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — 720 с
4. Дружинин В.И. История русской религиозной философии: изд. 2-е, испр. и доп. - Тула: Тульская духовная семинария, 2019. - 134 с.
5. История русской философии: Учеб. для вузов / Редкол.: И90 М. А. Маслин и др. — М.: Республика, 2001. — 639 с.
6. Лосский Н.О. История русской философии. — М.: Академический Проект; Трикста, 2011. —551 с. — (Концепции).

Фесикова О.В., Вилисова А.О.

Феномен сновидения, в представлении античных философов

*ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет
имени Г.Ф. Морозова»
(Россия, Воронеж)*

doi: 10.18411/lj-06-2020-241

idsp: ljjournal-06-2020-241

Аннотация

В статье представлены мнения античных философов о феномене "сновидения". Исследование основано на трудах, написанных философами, исключительно по данной